

«ГЕНЕРАЛ ОТ НАСТУПЛЕНИЯ»

Имя московского писателя Николая Карташова хорошо известно нашим читателям. Представление его книг из серии ЖЗЛ о философе, поэте Николае Станкевиче, художнике Иване Крамском было воспринято воронежцами с особой теплотой и заинтересованностью, поскольку эти имена давно занимают видные места в духовно-культурной летописи Воронежского края. Писательский выбор героя новой книги тоже не случаен — Николай Федорович Ватутин, генерал армии, Герой Советского Союза, также имеет воронежские корни: родился в 1901 году в крохотной деревушке Чепухино Валуйского уезда Воронежской губернии (ныне это село Ватутино Белгородской области). К слову стоит упомянуть, что и автор, по рождению белгородчанин, в свое время окончил факультет журналистики Воронежского государственного университета. В настоящее время книга о Ватутине завершена, будет издаваться в «Молодой гвардии», как мечтает писатель: «Хорошо бы к 75-летию Великой Победы», но опять же все упирается в деньги...

В книге подробно, с привлечением огромного фактологического материала исследуется биография Николая Федорович Ватутина, которая, кстати, имеет много общего с жизненны-

ми нежами других советских полководцев. Крестьянские корни, участие в гражданской войне, упорная учеба (несмотря на то, что родители Николая были простыми крестьянами, они постарались дать сыну образование — приходская школа, земское училище, коммерческое училище), скачок карьеры после репрессий в Красной Армии в 1930-х. В годы Великой Отечественной войны Н.Ф. Ватутин в высшей степени достойно подтвердил звание полковника. Его вклад в разгром фашистских войск на советской территории трудно переоценить.

Начало военной карьеры Николая Ватутина ознаменовано 1920 годом, когда он был призван в ряды РККА, 19-летнему красноармейцу пришлось сражаться с махновцами и бандами Бельского на Украине. Здесь он почувствовал призвание к военному делу, затем поступил и окончил Полтавскую пехотную школу. Учиться приходилось, не выпуская из рук оружие. Удостоверение красного командира он получил в 1922 году из рук М. Фрунзе на поле знаменитой Полтавской битвы. Дальнейшее продвижение по службе молодого краскома связано с учебой в высших военных заведениях, так как Красная Армия остро нуждалась в образованных штабных офицерах. За время довоенной службы он стремительно рос в должности и как полевой командир, и как военный стратег. Практически за год до начала Великой Отечественной войны Н.Ф. Ватутин был назначен начальником оперативного управления Генерального штаба РККА. С этого момента 38-летний военачальник вошел в состав военной элиты Советского Союза. В годы войны Н.Ф. Ватутин проявил себя и на службе в Генеральном штабе РККА, и в критических сражениях с противником в качестве командующего целым рядом фронтов. Служивцы — и его коллеги-военачальники, и подчиненные — отмечали не только глубочайший профессионализм Николая Федоровича Ватутина как полковника, но и его незаурядные человеческие качества.

В отличие от некоторых жестких, авторитарных командующих, он всегда умел выслушать людей, не давил на них авторитетом своей должности, поощрял инициативу. Этим и снискал всенародную любовь. «Генералом от наступления» уважительно назвал его Жуков после Сталинградской битвы. На счету Н.Ф. Ватутина числились практически все великие битвы Коренного перелома. Его филигранная работа на полях сражений была хорошо знакома противнику: лучший стратег вермахта фельдмаршал Э. Манштейн называл советского генерала Гроссмейстером.

Он не дожил до Дня Победы, не успел оставить после себя мемуаров. Его имя осталось в тени прославленных маршалов, освободивших Европу от фашизма. Говорят, это стало следствием несколько предвзятого отношения Сталина к одному из самых молодых советских полководцев.

Н.Ф. Ватутин погиб в расцвете лет и на взлете военной карьеры. Он скончался 15 апреля 1944 года, 75 лет назад, от последствий тяжелейшего ранения. В этот же день, но спустя 21 год после гибели, в 1965 году Ватутина посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. А до Великой Победы он не дожил год. Полтора месяца на грани жизни и смерти провел генерал после своего последнего боя. 29 февраля 1944 года в районе села Милятин Ровенской области его ранили в столкновении с бандитами Украинской повстанческой армии (УПА — запрещена в РФ). Раньше на этом не акцентировали внимание, чтобы, дескать, не обидеть украинцев...

Несмотря на превосходящие силы противника, штабной группе удалось прорваться. Кажется, генерал спасен. Ватутина на поезде привезли в Киев — в военный госпиталь. Выяснилось, что у него сквозное ранение бедра с раздроблением кости. Военачальнику сделали операцию, но развилась газовая гангрена...

Генерала армии Н.Ф. Ватутина похоронили в Маринском парке города Киева, который он освобождал. На могиле полковника в 1948 году поставили па-

мятник с мемориальной надписью на украинском языке: «Генералу Ватутину — от украинского народа»...

А в постсоветской Украине Ватутин сразу же стал объектом ненависти со стороны «майданутов» националистов, фашиствующих бандеровцев. Его памятники и почетные доски во многих городах «незалежной» разрушены и изуродованы вандалами. Но в Киеве генерал Ватутин не сдается, сражается,

чтобы победить, как он умел это делать...

Николай Карташов предложил нашей редакции отрывок из своей книги о воронежских днях генерала Ватутина. В июле 1942 года немцы ворвались в Воронеж. 7 июля Ставка образовала Воронежский фронт, командовать которым Н.Ф. Ватутин вызвался добровольно.

Владимир НОВОСЕЛОВ

В середине мая 1942 года генерал-лейтенант Николай Федорович Ватутин, сдав дела новому начальнику штаба фронта генерал-майору И.Т. Шлемину, прибыл в Москву. Без малого год он не видел столицы. И хотя фронт уже далеко отодвинулся от ее стен, она по-прежнему жила по строгому распорядку войны. Это было видно по наклеенным бумажным крестам на окнах домов, противотанковым ежам и многочисленным вооруженным патрулям на улицах. А еще бросались в глаза зенитные орудия, крупнокалиберные пулеметы и звукоулавливатели на крышах зданий... Но весну никто не отменял: воздух был чист, улицы умыты первыми ливнями, а березы и тополя источали неповторимые запахи распускавшихся листьев.

В соответствии с приказом Наркома обороны Ватутин занял пост заместителя начальника Генерального штаба по Дальнему Востоку. До этого такой штатной должности в Генштабе не существовало. Она была введена в связи с усилением мобилизационной активности Японии в регионе. Значительные силы японских войск были сосредоточены в Маньчжурии, что не могло не беспокоить советское руководство, несмотря на имевшийся между Советским Союзом и Японией договор о нейтралитете. Японцы часто нарушали государственную границу, вторгались в советские территориальные воды и воздушное пространство.

Правда, поражение немецко-фашистских войск под Москвой несколько охладило агрессивный пыл японцев, однако от захватнических намерений они не отказались. Страна Восходящего солнца выжидала подходящий момент для нападения на СССР, чтобы завладеть Сибирью и Дальним Востоком. Этим подходящим моментом должны были стать решающие успехи Германии на Восточном фронте. И хотя, как известно, условия для этого так и не сложились, Генеральный штаб был вынужден пристально следить за недобрым поведением соседа и держать в готовности дальневосточную группировку войск на случай агрессии.

Однако на новой должности Ватутину пришлось заниматься не столько Дальним Востоком, столько решением вопросов, касающихся действующей армии. Большой частью Василевский использовал Николая Федоровича для планирования наступательных и оборонительных операций на различных направлениях советско-германского фронта.

Генерал армии С.М. Штеменко в своих мемуарах «Генеральный штаб в годы войны» вспоминал: «Я и сейчас помню, как еще летом 1942 года, будучи заместителем начальника Генерального штаба по Дальнему Востоку, Н. Ф. Ватутин целыми ночами колдовал над картами других операционных направлений, разрабатывая различные варианты действий наших войск на советско-германском фронте. Мы с удовольствием брали его разработки и использовали, что было можно».

Не прошло и двух месяцев, а за это время Ватутин успел еще побыть и представителем Ставки Верховного Главнокомандования на Брянском фронте, в его судьбе произошел очередной поворот — он был назначен командующим войсками Воронежского фронта. Кому-то покажется странным, но инициатором этого назначения стал сам Николай Федорович. Было это так.

В Ставке, которая располагалась в особняке в районе станции метро «Кировская» (в настоящее время «Чистые пруды». — Н.К.) шло совещание, в котором принимал участие и Ватутин. Обсуждалась обстановка на курско-воронежском направлении, которая, начиная с первых чисел июля, резко ухудшилась. Вот как ее описывает А.В. Василевский, назначенный 26 июня приказом Ставки Верховного главнокомандования, начальником Генерального штаба:

«После неудачи под Харьковом наши войска перешли к обороне. 28 июня гитлеровские войска группы генерал-полковника Вейхса перешли в наступление из районов восточнее Курска. Фашистское командование рассчитывало этим наступлением и ударами из Волчанска на Воронеж окружить и уничтожить войска Брянского фронта, прикрывавшие воронежское направление, а затем поворотом на юг, с дополнительным ударом из района Славянска, уничтожить войска Юго-Западного и Южного фронтов и открыть себе дорогу к Волге и на Северный Кавказ. С этой целью врагом была создана за счет группы армий «Юг» группа армий «Б» (под командованием возвращенного на советско-германский фронт генерал-фельдмаршала Т. фон Бока) в составе 2-й и 6-й полевых, 4-й танковой немецких и 2-й венгерской армий. Для действий на северокавказском направлении была создана группа армий «А» во главе с прежним командующим оккупационными войсками на Балканах, одним из организаторов фашистских преступлений в Югославии и Греции генерал-фельдмаршалом В. Листом, в которую входили 11-я и 17-я полевые, 1-я танковая немецкие и 8-я итальянская армии. Всего противник сосредоточил для решения первой задачи к 1 июля 1942 года 900 тыс. солдат и офицеров, более 1200 танков, свыше 17 тыс. орудий и минометов, 1640 боевых самолетов. У нас в составе войск Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов к тому времени насчитывалось в общей сложности 1715 тыс. человек, около 2,3 тыс. танков, 16,5 тыс. орудий и минометов, 758 боевых самолетов».

Данные, которые привел Василевский, свидетельствовали о том, что по количеству людей и танков Красная Армия на этом участке советско-германского фронта превосходила немцев примерно в полтора-два раза. Но уступала по самолетам. Располагая такими силами, ее части и соединения должны были успешно противостоять натиску противника. Однако ослабленные в зимних и весенних наступательных боях советские войска не смогли остановить врага, и вынуждены были отходить под его ударами.

В результате на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов немцы прорвали оборону советских войск и продвинулись вперед на глубину до 80 километров. Это наступление, по сути, развязало немцам руки для продвижения вперед с целью захватить Воронеж. Город являлся крупным военно-промышленным и экономи-

Николай Федорович Ватутин

ческим центром. Здесь, на авиационном заводе, выпускались знаменитые штурмовики «Ил-2», прозванные немцами «черной смертью». С конвейера другого завода — экскаваторного имени Коминтерна — сходили легендарные реактивные минометы «Катюша». Правда, до прихода немцев эти предприятия все же успели эвакуировать в глубь страны. Расположенный по берегам двух рек — Дона и Воронежа — город имел водный путь, идущий к Азовскому, Черному и Каспийскому морям. Сухопутные и железнодорожные артерии также связывали Воронеж с другими городами страны.

7 июля командующий германской группировкой генерал Максимилиан фон Вейхс объявил своим солдатам об окончательном взятии города. О победном шествии частей Вейхса к Воронежу сразу громко раструбили немецкие репортеры, воспев непобедимый дух ариев: «Это был строй римских легионов, перенесенных ныне в двадцатый век для укрощения монголо-славянских орд». Однако в реальности все было далеко не так, поскольку в руках немцев находилась только правобережная часть города. Упорные бои за столицу Черноземья продолжались.

Ставка, заслушав доклад вернувшегося из района боев генерал-полковника Василевского, приняла решение создать Воронежский фронт, разделив Брянский фронт на два фронта (директива о создании Воронежского фронта была подписана Сталиным и Василевским в 21 час 7 июля. — *Н.К.*)

Вопрос о назначении командующих этих двух фронтовых объединений также рассматривался в Ставке. Василевский и Ватутин называли возможных кандидатов, а Сталин, привычно прохаживаясь по кабинету с трубкой в руках, комментировал предложения военачальников. Для Брянского фронта кандидатура была подобрана быстро: Василевский назвал имя генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского, хорошо зарекомендовавшего себя, будучи командующим армиями. Сталин сразу с этим согласился. Несколько сложнее оказалось с кандидатурой на должность командующего Воронежским фронтом. Ни одна из предложенных кандидатур Верховного не устроила. Повисла пауза... Неожиданно прозвучал немного прерывистый от волнения голос Ватутина:

— Товарищ Сталин! Назначьте меня командующим Воронежским фронтом.

— Вас? — вопрос, похоже, озадачил Верховного. Он удивленно поднял брови и сразу повернулся в сторону Василевского:

— А что по этому поводу думает товарищ Василевский?

Безусловно, Василевскому не хотелось расставаться с Ватутиным. Не для того он «вытащил» его к себе замом с Северо-Западного фронта. По сути, Ватутин был правой рукой Василевского, постоянно оставался за него, когда тот выезжал в войска. Но и отказать подчиненному, получившему редкий шанс проявить себя в должности командующего фронтом, Александр Михайлович не мог. И если бы Ватутин являлся для него только подчиненным! Он был его однокашником по «альма-матер» — академии Генерального штаба, их связывали дружеские отношения. Это тоже сыграло свою роль, когда Александр Михайлович держал слово перед Сталиным в поддержку Ватутина. Правда, он честно признался, что ему «очень жаль отпускать его из Генерального штаба».

Сталин, внимательно выслушав Василевского, немного помолчал, посмотрел на Ватутина, сказал:

— Ладно. Если товарищ Василевский согласен с вами, я не возражаю.

Потом после небольшой паузы, пройдясь вдоль стола, вновь обратился к Василевскому:

— А товарищ Голиков пусть послужит заместителем у товарища Ватутина, чтобы пострадал своим самолюбием... Так ему и надо!

Что побудило Ватутина обратиться с такой просьбой к самому Верховному главнокомандующему? Ответ на этот вопрос дает его сослуживец, бывший начальник

штаба Юго-Западного фронта, Герой Советского Союза генерал армии С.П. Иванов. В своих мемуарах «Штаб армейский, штаб фронтовой» он привел интересный разговор, который отчасти раскрыл переживания Ватутина в связи с его назначением командующим войсками Воронежского фронта:

«Гораздо позднее, когда мы довольно близко сошлись с командующим (Ватутиным. — Н.К.), он рассказал мне, какой внутренней борьбы стоил ему тот шаг.

— Штабную работу я люблю и очень высоко ценю, — говорил Николай Федорович, — но давно уже испытывал непреодолимое стремление испробовать себя на командном посту. Находясь длительное время на должности начальника штаба Северо-Западного фронта, я не раз чувствовал, что, будь у меня возможность самому реализовать разработанные штабом под моим руководством планы той или иной операции, я смог бы это сделать не хуже, чем мои тогдашние командующие. Утвердило меня в принятии этого решения то обстоятельство, что, по моему тогдашнему убеждению, положение под Воронежем могло стать столь же критическим, как весной под Харьковом, и там нужен был командующий, способный смело взять на себя ответственность при резком изменении обстановки. Сталина, как мне представлялось, вынуждала отвергать предлагаемые кандидатуры именно излишняя осторожность этих генералов.

— Знаешь, Семен Павлович, — Ватутин вдруг перешел на «ты», что было ему совершенно не свойственно, — этот мой поступок, наверное, напоминает решение сержанта принять командование ротой, когда он видит, что вокруг в данную минуту нет никого более подходящего, и оживается мгновенно, хотя в мыслях успело пронестись столько противоречивых чувств.

— И тем не менее, — отозвался я, — все это решалось, очевидно, не с ходу? Ведь перед этим вы побывали на еще не разделенном Брянском фронте и досконально изучили там обстановку.

— Да, хотя и не досконально, но, думаю, основательно ознакомился с ней. Однако переоценил значение Воронежа. Подумал, что главные летние батальи разыграются там, а оказалось — под Сталинградом.

Неожиданно Ватутин умолк, глубоко задумался, а потом спросил:

— Не догадываешься, зачем я рассказал всю эту историю?

Я пожал плечами.

— Хочу узнать, как другой штабник поступил бы в подобной ситуации.

Наступил мой черед поразмыслить, благо дилемма, стоявшая передо мной, была лишь теоретической.

— Наверное, поступил бы так же, — ответил я, — тем более учитывая, что Верховный Главнокомандующий, видимо, не случайно командировал вас на Брянский фронт перед его разделением: идея этой акции была, как я догадываюсь, ваша?

Николай Федорович утвердительно кивнул головой».

...12 июля Ватутин с группой офицеров вылетел на Воронежский фронт. Прямо с полевого аэродрома Николай Федорович отправился в войска. Стоял жаркий день. На выцветшем холсте неба висело жгучее солнце, над землей плыл горький запах горящих хлебов и перегретого металла. Далеко окрест была слышна артиллерийская канонада, гулко ухали разрывы снарядов и мин, до слуха долетали торопливый говор пулеметов и частая дробь автоматных очередей. Иногда с надрывным воем проносились самолеты, заходя на позиции немцев, находившихся на правом берегу Дона...

Это были отчие края Николая Федоровича. До близкой сердцу Чепухинки отсюда по прямой — около двухсот километров. Но в Чепухинке уже хозяйничали фашисты. Там остались мать, сестры, маленькие племянники... Как они, живы ли? Незадолго перед вылетом Василевский с укором у него спросил:

— Родные там остались? Что же ты раньше ничего не говорил?! Надо было вывезти своих. Ведь не пощадят их немцы, если узнают, чьи они родственники...

— Неудобно как-то было. Да и никто не предполагал такой поворот событий, — ответил он ему.

Но сейчас Ватутин старался меньше всего об этом думать. Однако не всегда это получалось. От нехороших мыслей сжималось сердце. Оставалось только уповать на судьбу-удачу. И все же мысли, дела были подчинены одному — преградить путь врагу через Дон, не дать ему возможности двигаться дальше, в глубь страны.

Продолжавший еще командовать на тот момент войсками фронта генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, с которым Ватутин встретился на командном пункте 60-й армии, доложил оперативную обстановку. Она была напряженной. В соответствии с директивой Ставки, войска фронта с 11 июля вели наступление между реками Дон и Воронеж из района Севрюковка — Рамонь на юг в направлении на Подгорное, Малышево. Их задача заключалась в том, чтобы «в течение 11 и 12 июля совершенно очистить восточный берег р. Дон в районе Подклетное—Семилуки—Малышево—Воронеж и все пространство между р. Дон и р. Воронеж от противника и прочно закрепиться на р. Дон, обеспечив за собой переправы через него».

Так что новому командующему пришлось, что называется, с колес принять руководство войсками фронта.

Фронт — это оперативно-стратегическое объединение вооруженных сил, предназначенное для решения оперативно-стратегических задач на нескольких операционных (иногда на одном стратегическом) направлениях континентального театра военных действий. Свои задачи фронт выполняет путем проведения фронтовых операций, как правило, во взаимодействии с другими фронтами, объединениями и соединениями различных видов вооруженных сил, участвующими в стратегической операции, в некоторых случаях и самостоятельно.

Вникать в дела фронта Ватутин начал с докладов командующих родов войск, начальников управлений и служб. Заслушивая их доклады, Николай Федорович получал исходные данные для работы, из которых складывал общую картину о текущей обстановке и состоянии войск.

На тот момент в состав фронта входили три общевойсковых объединения: 6-я армия генерал-майора Ф.М. Харитонова, 60-я армия генерал-лейтенанта М.А. Антоюка, 40-я армия генерал-лейтенанта М.М. Попова, ряд корпусов и 2-я воздушная армия генерал-майора авиации С.А. Красовского. Между тем нельзя было сказать, чтобы эти армии могли на равных воевать с немецкими частями. Первые две армии перебросили из резерва, но они еще не были до конца оснащены техникой и вооружением, а также не имели боевого опыта. 40-я армия, наоборот, прошла испытания боями, однако была очень сильно потрепана и ослаблена после выхода из окружения. Что касается воздушной армии, то она не располагала достаточным количеством самолетов.

Безусловно, сил и опыта было маловато, но Ватутин не стал останавливать механизм наступления, запущенный прежним командованием фронта.

13 июля ТАСС сообщил: «В районе Воронежа ожесточенные сражения не прекращаются ни днем, ни ночью. Враг продолжает контратаковать и вводить в бой крупные силы. Прикрываясь артиллерией и авиацией, немцы стремятся перебросить через водный рубеж как можно больше сил. Враг несет огромные потери. С каждым днем крепнет сила наших контрударов... Сегодня, как и вчера, упорные сражения шли у переправ. В одном месте огнем нашей артиллерии и танков на понтонах уничтожены 9 противотанковых орудий противника, 17 пулеметов, 2 минометные батареи. Другая переправа была разрушена летчиками. Они подожгли 10 немецких танков, уничтожили 79 автомашин с пехотой и боеприпасами. Желая улучшить свое положение на одном из участков, где наши части наносят

противнику заметно сильные удары, немцы бросили в бой 2-ю венгерскую бригаду. Атаки успешно отбиты. Наши части захватили трофеи и пленных... Бои в районе Воронежа продолжаются с возрастающим ожесточением».

Вскоре стало ясно: мощного натиска не получилось. 18-й танковый корпус и несколько дивизий 60-й армии заняли лишь небольшой район в северной части Воронежа.

Спустя неделю была проведена новая операция, в которой принимали участие части 38-й и 60-й армий, 2-го и 11-го танковых корпусов. Планировалось разгромить противника ударами сразу с двух направлений: из района Подгорное в обход Воронежа с запада и по западному берегу Дона в общем направлении на Семилуки.

К сожалению, эта операция также закончилась без каких-либо существенных результатов. Генерал-майор М.И. Казаков, назначенный 18 июля к Ватутину начальником штаба, позднее вспоминал: «Дело осложнилось в данном случае тем, что нам пришлось наступать на укрепления, построенные нашими же войсками весной 1942 года. Атаке предшествовала так называемая «ускоренная артподготовка» при незначительной плотности артиллерии, а перед атакующими подразделениями оказалась прочная позиционная оборона с развитой системой траншей. Дивизии понесли потери, а цели опять не достигли».

В те дни Николай Федорович практически безвылазно находился в войсках. Его темно-зеленый «виллис» в сопровождении бронетранспортера боевого охранения колесил по местам дислокации частей и соединений фронта. Прибыв на тот или иной участок фронта, Ватутин терпеливо выслушивал доклады командармов, комкоров, комдивов и комбригов, изучал районы боевых действий, выяснял причины неудач, ставил перед подчиненными новые задачи.

Командующий фронтом считал для себя обязательным делом встречаться и с простыми солдатами, непосредственно находившихся в окопах, в башнях танков, у прицелов орудий... Неслучайно поэтому Николая Федоровича практически сразу стали называть в войсках «наш командующий». У Ватутина к этому главному «сословию» войны тоже было уважительное отношение, поскольку он сам вышел из солдатской шинели.

Портрет своего командующего очень точно запечатлел корреспондент-организатор газеты Воронежского фронта «За честь Родины» С.М. Борзунов, ставший впоследствии известным писателем. Прочитаем его рассказ:

«Впервые мы, небольшая группа военных журналистов только что созданной фронтовой газеты «За честь Родины», увидели Николая Федоровича в двадцатых числах июля 1942 года на его командном пункте северо-восточнее Воронежа, в деревне Углянец...

Все были приятно удивлены, когда увидели молодого, круглолицего, подтянутого, с живыми пронизательными глазами генерала, на петлицах которого блестели три звезды. Это и был командующий фронтом Николай Федорович Ватутин — генерал-лейтенант по званию. Держался он очень просто и уверенно. Говорил не спеша, размеренно и спокойно, хотя обстановка под Воронежем, как мы узнали из его сообщений, была очень сложной и опасной. Но, повторяю, во всем поведении командующего, его манере говорить тихо и спокойно, в умении логично убедить подчиненных ему людей и отдавать четкие распоряжения чувствовались знание обстановки, уверенность, сильные волевые качества военачальника. И потому, очевидно, мы не увидели в штабе ни беготни, ни суматохи, характерных для первых месяцев войны. Спокойствие командующего, его продуманные, уверенные распоряжения и действия, его лучистые глаза магически действовали на всех нас, вселяли надежду на скорую победу под Воронежем».

Прибытие на фронт нового командующего не осталось незамеченным и у нем-

цев. Буквально через несколько дней гитлеровцы стали разбрасывать листовки: «Этому штабному генералу под Воронежем успеха не иметь». Когда одну из таких листовок показали Николаю Федоровичу, он не мог сдержать улыбки:

— Сколько внимания моей персоне! Но, как говорят у нас на Руси, проживем — увидим...

Итогом поездок Ватутина по частям и соединениям стал его приказ, в котором был дан обстоятельный анализ действий войск фронта в период с 8 по 24 июля. В нем, в частности, отмечалось, «что одной из главных причин медленных темпов наступления и зачастую топтания на месте является неудовлетворительное управление своими частями и подразделениями со стороны командиров дивизий, полков и батальонов. Штабы и командиры дивизий, как правило, отрываются от своих частей и, оставаясь глубоко в тылу, теряют с частями связь, не имеют собственного наблюдения за полем боя, а потому не знают обстановку и не могут вовремя реагировать на изменения обстановки массированными ударами огня всех видов, вводом в бой второго и последующих эшелонов, или же изменением направления удара. Нередко также отрываются от своих подразделений командиры полков и батальонов, что еще более пагубно отражается на ходе боя. Многие командиры дивизий, полков и батальонов вместо того, чтобы стремительно наступать за танками и в тесном взаимодействии с ними, отрываются от танков со своими подразделениями... В результате такие командиры вместо наступления переходят по существу к обороне, а в оправдание этого они начинают выдвигать целую уйму причин, ссылаясь на отставание соседей, на фланкирование их огнем противника. Они просят самолетобоязнь, ссылаются на обстрел их минометным и артиллерийским огнем, как будто бы на войне всего этого не должно быть. Проявляя пассивность, такие командиры не умеют использовать свои огневые средства и технику для подавления огня противника и уничтожения живой силы. Они не используют благоприятных моментов боя для броска вперед».

Особый упор в этом документе был сделан и на вопросы взаимодействия, которые крайне важны в период наступления. Однако между танковыми, пехотными и артиллерийскими начальниками они отработывались недостаточно, особенно в звене батальон, дивизион, рота и батарея. Слабо также проводилась разведка противника, не были выявлены его слабые места. Само наступление велось прямолинейно, в лоб, без обходов и охвата. Кроме того, атака переднего края врага танками производилась на низких скоростях, а стрельба с длинных остановок, что давало противнику возможность расстреливать танки.

Но разбор действий командного состава частей и соединений не ограничился лишь сухими строками приказа, который, заметим, был доведен до командиров и политработников под роспись, чтобы в случае чего было с кого спросить. В те дни у Ватутина состоялось и немало жестких, нелюдских разговоров с некоторыми военачальниками. А иначе в той тяжелой обстановке и быть не могло.

Вот что пишет в своих воспоминаниях «Жизнь в авиации» маршал авиации С.А. Красовский, а в то время генерал-майор авиации, командующий 2-й воздушной армией Воронежского фронта:

«У нас (с Ватутиным. — Н.К.) состоялась не очень дружелюбная беседа.

— Плохо работает авиация! — заявил Ватутин.

— Воевать без войск не умею.

— А вот другие умеют! — Ватутин повернулся к окну и стал смотреть на тянувшиеся по дорогам толпы жителей. Помолчав немного, он тяжело вздохнул и негромко добавил: — До глубинки России допустили немца, до исконно русских городов — Орла, Курска, Воронежа... Нет, так воевать дальше нельзя».

Находясь в 60-й армии, Ватутин признал «неудовлетворительной, не отвечающей требованиям выполняемых задач» работу ее штаба. Так, начальник штаба

генерал-майор С.П. Крылов имел «смутные, неточные и неясные представления о своих частях». Еще хуже владел обстановкой начальник оперативного отдела подполковник П.Н. Лащенко, который в своем докладе не мог точно указать дислокацию полков и соединений, о некоторых частях располагал неточными сведениями. А когда потребовалось показать на карте места огневых позиций артиллерии и других средств огневой поддержки, Лащенко не сумел это сделать.

Ватутин жестко потребовал от начальника штаба армии и его подчиненных «в кратчайший срок устранить отмеченные недостатки, организовать работу штаба армии, всех управлений и отделов, добиваясь плановости, системы в работе, четкости и точности». Надо сказать, штаб фронта сделал правильные выводы, указанные командующим фронтом недостатки были устранены. И еще один показательный штрих. Попавший под огонь справедливой критики начальник оперативного отдела подполковник Лащенко больше подобных ошибок не допускал. Вскоре этот 33-летний офицер был назначен командиром соединения, где проявил себя самым достойным образом. В боях за Днепр ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Представление на награждение подписал Ватутин. В послевоенные годы Павел Николаевич Лащенко дослужился до генерала армии и нередко вспоминал строгий урок, полученный от Ватутина.

Новый командующий сделал и ряд кадровых перестановок. В частности, от должности командующего 60-й армией был отстранен генерал-лейтенант М.А. Антонюк. Что предопределило такое решение? 19 июля Ватутин приказал Антонюку нанести силами армии удар по фашистам с запада из района населенного пункта Подгорное в обход Воронежа. Командарм поручил осуществить эту операцию 18-му танковому корпусу. Примечательно, что этим корпусом командовал уже знакомый читателю по Северо-Западному фронту генерал-майор танковых войск И.Д. Черняховский. Планируя наступление, Антонюк решил предварить атаку корпуса Черняховского «ускоренной артподготовкой». Поясним для читателя: это когда огонь по позициям противника ведется при незначительной плотности артиллерии.

К сожалению, «ноу-хау» Антонюка, выражаясь современным языком, обернулось провалом операции, поскольку артподготовка не причинила противнику практически никакого вреда. Рванувшие в атаку танки Черняховского натолкнулись на стену огня немцев, в результате чего на поле боя остались десятки подбитых машин, а самим танкистам пришлось отступить. Крайним оказался Черняховский, которого Антонюк обвинил в неумении управлять боем. Тот свою вину не признал, прямо заявил:

— Задача не была выполнена из-за того, что артиллерия не смогла уничтожить огневые точки гитлеровцев.

В ответ Антонюк устроил разнос Черняховскому, пригрозил ему соответствующими оргвыводами.

Однако Николай Федорович, разобравшись, возложил ответственность за срыв операции на Антонюка. Не умаляя прежние заслуги командарма, Ватутин и находившийся в тот момент в войсках фронта представитель Ставки, начальник Генерального штаба генерал-полковник А.М. Василевский единодушно пришли к выводу, что Антонюк не справляется со своими обязанностями. В частности, как командующий армией, воюет по лекалам гражданской войны, не понимает роли танков, рассматривая их всего лишь как придаток стрелковых дивизий. Кроме того, не заботится о поддержке действий танковых частей артиллерией и авиацией. Были и другие веские аргументы.

О своем намерении заменить командующего 60-й армией генерал-лейтенанта Антонюка Ватутин доложил Сталину, поскольку такого рода решения принимались непосредственно Верховным главнокомандующим. Новым командармом

Николай Федорович предложил назначить генерал-майора танковых войск Черняховского, которого хорошо знал по Северо-Западному фронту. Танкист, а по специальности артиллерист, Иван Данилович имел и опыт командования общевойсковым соединением. В предыдущих боях он проявил себя как думающий, требовательный и заботливый командир. Обо всем этом Ватутин сказал Верховному. Примечательно, что Сталин был сторонником замены военачальников старой школы на молодые кадры, поэтому поддержал предложение Ватутина.

24 июля Верховный лично объявил о своем решении и Антонюку, и Черняховскому. Произошло это во время заседания военного совета 60-й армии. Как вспоминал комиссар 17-го танкового корпуса В.Г. Гуляев, в момент выступления Антонюка позвонил по ВЧ Сталин. Командарм прервался на полуслове и поспешил в переговорную комнату к аппарату. Вскоре он вышел оттуда бледный.

— Черняховский, вас... — Антонюк жестом показал на дверь, за которой находился телефон прямой связи с Москвой.

Участники совещания молча переглядывались. Каждый, по-видимому, мысленно строил всякого рода догадки.

Разговор Черняховского по ВЧ с Верховным главнокомандующим был недолгим.

— Ватутин попросил назначить вас командующим шестидесятой армии, — прозвучал в трубке неторопливый голос с кавказским акцентом. — Мы не возражаем. А как вы сами смотрите на это?

— Как прикажете, товарищ Сталин. Ваше высокое доверие постараюсь оправдать всей своей жизнью, — взволнованно ответил Черняховский.

— Вот и хорошо. Принимайте армию, — сказал Верховный.

Время показало: «крестник» Ватутина с честью оправдал это доверие. Молодой, энергичный командарм достойно проявил себя как в боях на Воронежском фронте, так и на других полях сражений. В дальнейшем Черняховский будет командовать 3-м Белорусским фронтом, он станет генералом армии и дважды Героем Советского Союза.

В таких кадрах новой военной школы, как Черняховский, Ватутин видел залог побед над фашистами. Николай Федорович тоже принадлежал к «младому племени», являясь на тот период самым молодым по возрасту командующим фронтом. Неслучайно и часть управления фронта он сформировал из офицеров ускоренного (трех-, четырехмесячного) курса обучения в Военной академии имени Фрунзе. Это были молодые офицеры, но некоторые из них уже успели поучаствовать в боях осенью и зимой 1941 года. Несмотря на отсутствие опыта практической работы в крупных штабах, они с исключительной добросовестностью брались за выполнение любых заданий. Спустя время новички научились готовить сводки, донесения, обрабатывать боевые распоряжения, оформлять решения комфронта...

Да сам и Николай Федорович любил подать пример молодежи. Ночью, когда меньше трезвонили телефоны, он брал карандаш и лично писал донесение в Ставку или набрасывал текст распоряжения войскам. Ему, вчерашнему штабному работнику, это доставляло удовольствие. Как говорится, кто не любит «тряхнуть стариной»...

«Генерал Н.Ф. Ватутин с неизменным вниманием относился к нуждам и запросам штаба, с его стороны штабисты всегда встречали полное понимание и поддержку, — вспоминал уже знакомый читателю генерал армии С.П. Иванов. — Да это и не удивительно. Ведь пройдя все ступени штабной службы, вплоть до заместителя (первого заместителя. — *Н.К.*) начальника Генерального штаба, он знал все профессиональные тонкости, о событиях судил масштабно, сразу схватывал суть дела. Это был настоящий генштабист, человек отменной работоспособности,

сильной воли и исключительно деловой дееспособности. В нем, как нельзя лучше, сочетались черты командующего и руководителя крупного штаба. Самым тесным образом Н.Ф. Ватутин поддерживал контакты с войсками, куда он часто выезжал, причем о своих поездках ставил в известность и штаб. Он всегда знал о запросах, настроениях не только командного, но и рядового состава, а при необходимости оперативно оказывал действенную помощь».

Однако вернемся к событиям на фронте. После двух неудачных наступательных операций Ватутин сделал серьезные выводы. Тщательно изучив обстановку, он скрытно произвел перегруппировку войск фронта, сосредоточил их на важных направлениях и имеющимися силами, собранными в кулак, организовал ряд ощутимых контрударов.

В середине июля очередная операция была проведена в районе города Коротояк. Неподалеку от этого города, у села Петропавловки, вспоминал начальник штаба фронта М.И. Казаков, немцам удалось захватить небольшой плацдарм на северном берегу Дона. Ватутин приказал ликвидировать его. Эта задача была поставлена перед 174-й стрелковой дивизией. Одновременно ей предстояло захватить плацдарм на южном берегу. Стремительным ударом враг был выбит из Коротояка и потеснен по ту сторону Дона на пять километров по фронту и три километра в глубину. Гитлеровцы встревожились.

Ими тут же стали предприниматься непрерывные попытки выбить советские части обратно за реку. Командующий 2-й венгерской армией генерал-полковник Густав Яни бросил сюда две дивизии. Пришла и одна немецкая дивизия, а с нею до сотни танков. Настойчивые атаки противника не прекращались целую неделю, и в течение всего этого времени 174-я стрелковая дивизия стойко отражала их. Только по приказу командующего фронтом во избежание лишних потерь ее командир генерал-майор С.И. Карапетян отвел свои части на северный берег. За умелые действия, за мужество и стойкость это соединение удостоилось тогда звания гвардейского.

17 июля 1942 года началась Сталинградская битва, в которой решалась судьба страны. Гитлер планировал захватить Сталинград — крупный транспортный узел стратегически важных речных и сухопутных маршрутов, объединявших центр страны с южными регионами. Овладев городом на Волге, немцы не только перерезали бы крупную артерию Советского Союза, и создали серьезные проблемы со снабжением Красной Армии, но и надежно прикрыли бы свои наступающие на Кавказ войска.

Поэтому в тот период все внимание Ставки было приковано к Сталинграду. Действия других фронтов, в том числе Воронежского, имели больше вспомогательный характер. Но это вовсе не означало, что они не должны были вести боевые действия. Ставка требовала от командования Воронежского фронта регулярно наносить удары по немецко-фашистским захватчикам, не давая им возможности перебрасывать свои танковые и моторизованные части с воронежского направления на сталинградское. Ранее несколько боеспособных соединений с правобережья Дона противник все же успел туда перебросить. На смену гитлеровским дивизиям пришли их сателлиты — итальянские и венгерские войска. Однако это не снизило накала боев. Они продолжались на дальних и ближних подступах к Воронежу, в пригороде и на улицах, на захваченных больших плацдармах и маленьких пятачках земли... По подсчетам историков, сражение за Воронеж длилась 212 дней и ночей, половина из них пришлась на время командования фронтом Ватутиным.

В последних числах июля в штаб фронта поступил приказ № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», получивший сразу название как приказ «Ни шагу

назад!». Николай Федорович знал, что его проект готовил Василевский. Потом дорабатывал Сталин, он же и подписал этот документ 27 июля. Жесткий, категоричный тон приказа обращал на себя внимание суровостью правды, нелицеприятностью разговора Верховного главнокомандующего с каждым, кто сейчас находился на фронте, начиная от простого солдата и кончая командующим фронтом.

Читая приказ, Ватутин с горечью воспринимал резкие слова, адресованные и в свой адрес. Нет, в документе не назывались конкретные имена и фамилии, но в нем шла речь о воронежском направлении, за которое он, как командующий фронтом, теперь отвечал в первую очередь:

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется вглубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа.

Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток».

Куда более жесткие формулировки в нем содержались дальше: «Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило... Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину. Паникеры и трусы должны истребляться на месте. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования».

Особую ответственность этот суровый документ возлагал непосредственно на командующих фронтами:

«1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить свои преступления против Родины».

По поручению Ватутина этот приказ немедленно был зачитан в частях и подразделениях до роты (эскадрильи) включительно. Сам Николай Федорович сразу же выступил перед офицерами и генералами управления фронта.

— Этот приказ, — сказал Ватутин, — должен знать каждый командир, политработник и боец, где бы он ни находился — на передовой, во втором эшелоне, в госпитале... Дальше отступать мы не можем и не имеем права. Иначе останемся без хлеба, топлива и металла. И ваш первейший долг, товарищи, помочь донести это до сознания каждого воина нашего фронта. Пусть каждый поймет, что от его мужества и отваги во многом зависит судьба Родины. Надо сказать всем суровую и горькую правду, и люди нас поймут.

«Приказ нам доводили под роспись, чтобы каждый лично нес ответственность за его неукоснительное выполнение, — рассказывал автору этих строк Герой Советского Союза генерал-майор в отставке Ф.В. Ванин, в 1942 году командовавший стрелковой ротой 836-го стрелкового полка 240-й дивизии Воронежского фронта. — В течение первых дней после выхода приказа № 227 одному из взводов моей роты пришлось выполнять функции заградотряда. Приказом, как известно, предписывалось сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов, поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной. К счастью, моим подчиненным не довелось стрелять по своим. В то же время они задержали несколько человек, которые самовольно оставили боевые порядки. Одним из задержанных был офицер в звании капитана. Он шел в тыл под видом раненого. Правая рука у него была перебинтована. Но при проверке оказалось, что на теле капитана нет ни единой царапины. Задержанный был передан в особый отдел дивизии».

Приказом Ватутина на Воронежском фронте был сформирован отдельный штрафной батальон, позднее получивший наименование 9-й отдельный штрафной батальон. Больше на тот момент не требовалось, поскольку трусов, паникеров и дезертиров в массовом количестве не отмечалось. Дело было здесь не в страхе перед наказанием. Вернее, не только в нем. Важнее другое: люди понимали, что дальше пускать немцев нельзя, надо остановить фашистскую гадину, доказать, что русский солдат на своей земле сильнее и крепче пришельца. В целом фронт в тот период держал крепкую оборону, одновременно постоянно контратакуя врага.

В первых числах августа войска 6-й армии заняли Сторожевской плацдарм на правом берегу Дона в 55-ти километрах к югу от Воронежа. На военных картах этот участок местности, состоящий из меловых утесов, был обозначен как высота 187,7. Здесь действовала 25-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием гвардии полковника П.М. Шафаренко. Ее поддерживали несколько артиллерийских полков, гвардейские минометы и авиация. Поставленная Ватутиным задача была успешно выполнена: советские войска захватили плацдарм в тринадцать километров по фронту и восемь километров в глубину.

Непосредственный участник событий тех лет капитан в отставке А.Н. Потемкин вспоминал: «В ночь перед форсированием противника непрерывно бомбили врага наши славные «ночные ведьмы». На беззащитных самолетах По-2 не давали врагу ни сна, ни отдыха... Среди ночи со своих «рус фанер» они бросали бомбы в хаты, где спят неведомо зачем забравшиеся на Дон венгры. При взрыве бомб за Доном мы дружно кричали: «Ур-ра!».

А вот как описал эти события в своем дневнике незадолго до смерти ефрейтор 1-й венгерской танковой дивизии Иштван Балои:

«7 августа. Русские переправились через реку Дон. Идем, чтобы отрезать им путь отступления.

8 августа. Вторая рота 1-го батальона понесла большие потери, погибли 4–5 офицеров.

9 августа. В 11 часов заговорил «Сталинский орган» (реактивная установка БМ-13 или «Катюша». — Н.К.). Сердце остановилось. Все бежали, куда могли...

10 августа. Идем на наше старое место — русские опять прорвали фронт... Очень сильный бой. Мы отошли. После этого в пехотном полку разразилась настоящая паника. Пришлось сдерживать бегущих и возвращать их. Артобстрел. Русские снаряды попали в машины с боеприпасами 2-го полка. Они взорвались одна за другой.

12 августа. Я думаю, что из нас никто не останется в живых от такого обстрела. В Воронеже погибло много венгров. Об этом сообщают русские листовки, они предлагают нашим солдатам сдаваться в плен.

14 августа. В 1-м батальоне убито 50 и около 100 раненых.

15 августа. В пять часов начинается наступление. Русские упорно держатся. Этот ужас нельзя описать. У нас много раненых. Пять раз стрелял «Сталинский орган».

16 августа. Грустное воскресенье. Много венгерских солдат полили своей кровью русскую землю. Убитые покрывают землю. Не успеваем вывозить раненых...

17 августа. Два раза ходили в наступление, оба раза пришлось отступить. Много убитых и раненых. Теперь только бог нам может помочь. Ему мы доверяем.

19 августа. Не дождалось улучшения положения. Много стреляют русские снайперы. Стоит только показаться, как они тебя продырявят. Обычно смертельно.

20 августа. ...День святого Стефана. В 15.15 началось наступление. Боже, помоги нам, чтобы счастливо окончить бой. Верю, что после этого нас сменят. В роте нас осталось двое со званием — я и главный ефрейтор Мату...

21 августа. Они опять наступают...».

Вплоть до 17 сентября продолжались жаркие бои за Сторожевской плацдарм, враг потерял почти 9 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, 48 орудий, 28 танков, 4 самолета, много другой техники вооружения. Но ему так и не удалось сбросить советские войска в Дон. В результате противник вынужден был перейти к обороне, укрепив ее новыми резервами.

Вслед за 25-й гвардейской стрелковой дивизией, то есть через три дня после взятия Сторожевских круч, бойцы 309-й стрелковой дивизии 6-й армии, разгромив 54-ю пехотную дивизию немцев и два их резервных батальона, отбили у врага высоту 160,7. По сути, это была узкая полоска земли между селами Щучье и Переезжее. Долгих 158 дней и ночей советские воины держали здесь оборону, скопывая вокруг себя силы врага.

Николай Федорович практически ежедневно бывал в воюющих частях и соединениях. Поводы были разные: от постановки задач на проведение очередной операции до вручения наград отличившимся в боях солдатам и офицерам. В штабе 6-й армии, дивизии которой сражались на Сторожевском плацдарме и на высоте 160,7, у Ватутина произошла неожиданная встреча с Мехлисом. Правда, Лев Захарович уже не занимал прежних постов. За провал в мае 1942 года операции на Крымском фронте, а это выразилось в его профессиональной некомпетентности, неумении организовать дело, Сталин освободил своего любимца от должности заместителя наркома обороны и начальника Главного политуправления Красной Армии. Да заодно понизил его в звании до корпусного комиссара. Трудно было представить, что подобное могло случиться.

Теперь Мехлис являлся всего лишь членом Военного совета 6-й армии. Представляясь Ватутину (так требует устав, когда младший по должности докладывает старшему по должности. — Н.К.), Мехлис бросил на Николая Федоровича свой

колочий взгляд. Но это был уже не тот Мехлис, каким его видел Ватутин на Северо-Западном фронте. От бывлой всеильности главного политработника Красной Армии ни осталось и следа. Говорят, кто прошлое помянет тому глаз вон. Ватутин, в отличие от Мехлиса, не был злопамятным человеком и счёты с этим человеком не собирался сводить. Война и так все расставила по своим местам.

В конце августа 1942 года Ватутин поставил задачу командующему 40-й армии генерал-лейтенанту М.М. Попову захватить плацдарм на правом берегу Воронежа. В историю битвы за Воронеж этот участок земли размером пять километров по фронту и два километра в глубину войдет как Чижовский плацдарм. В послевоенные годы историки и журналисты сравнивают его с ленинградским «Невским пятачком» и «Малой землей» Новороссийска. И это сравнение уместно, поскольку здесь непрерывно шли кровопролитные бои за каждую улицу, за каждый дом. Чтобы занять плацдарм, войскам было необходимо форсировать реку Воронеж. Для этого инженерные войска фронта соорудили переправу, которая на полметра уходила под воду реки и не просматривалась авиацией с воздуха. Строили ее по ночам из бетонных осколков и битого кирпича. По ней в одну из ночей на правый берег была переправлена техника и пехота. Для гитлеровцев это стало полной неожиданностью. В результате внезапно нанесенного удара, советские войска захватили плацдарм в правобережной части города. Попытки немцев отбросить русских назад оказались безуспешными. Сражение на Чижовском плацдарме не прекращалось до самого освобождения города.

Мемецкий военный корреспондент Густав Штебе, автор брошюры «Штурм и оборона Воронежа», изданной по горячим следам летних и осенних боев 1942 года, писал:

«В этой битве потеряли жизнь и многие немецкие товарищи. Кресты немецких солдатских могил стоят везде, где солдатский долг потребовал последней и величайшей жертвы: посреди разрушенного города, между сгоревшими фасадами и баррикадами, перед заводами, в скверах и на улицах, и на берегах Дона...».

За время летне-осенних боев войсками фронта было захвачено около десяти плацдармов на западных берегах рек Дон и Воронеж, наиболее важными из которых были Чижовский в правобережной части Воронежа, а также Сторожевской и Щученский плацдармы на верхнем Дону. Для советских войск эти и другие плацдармы стали своего рода трамплинами для проведения в январе 1943 года победоносных Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операций, в ходе которых противник потерял 320 тысяч человек, а количество пленных только в Острогожско-Россошанской операции составило более 86 тысяч человек. Под Воронежем была разгромлена 200-тысячная венгерская армия. Ее гибель, по оценкам зарубежных экспертов, стала самым крупным поражением за всю почти тысячелетнюю историю этого европейского государства. В заснеженных черноземных степях нашли свою погибель солдаты, офицеры, генералы итальянского альпийского и 2-го немецкого танкового корпусов...

Но все это будет впереди, пока же войска фронта вели тяжелые и вязкие оборонительные бои, переменяя их с частными наступательными операциями. Ватутин рассматривал эти действия в интересах общей стратегии, и она заключалось в том, чтобы непрерывными контратаками сковывать силы врага.

Уже упоминавшийся в нашем повествовании маршал авиации Красовский в своих мемуарах вспоминает: «Когда наступление вражеских войск приостановилось и немцы вынуждены были перейти к обороне, командующий фронтом Н.Ф. Ватутин организовал несколько мощных контрударов. Именно поэтому фашистское командование не решалось снимать из-под Воронежа части и соединения для использования их на других направлениях. Многие наши генералы и офи-

церы стали называть Ватутина «генералом от наступления». Он заставлял командиров всех степеней напряженно думать, искать уязвимые места в обороне противника и наносить контрудары».

Безусловно, боевая активность войск Ватутина не приводила к внешне эффективным успехам. Поэтому даже в среде командиров и политработников тогда не все понимали, почему их командующий с такой настойчивостью организует атаки безмяннх высот и безвестных деревень. Однако в Ставке, наоборот, высоко оценивали деятельность Ватутина. И было за что. Постоянными контратаками он не только не допустил переброску фашистских войск с Воронежского фронта к Сталинграду, но и притянул к себе значительные силы врага, следовавшие туда мимо вверенного ему фронта.

Как пишет М.Г. Брагин, первый биограф Ватутина, «этой же активной борьбой, частыми контратаками и контрударами Николай Федорович не только не ослаблял, как могло показаться, свои войска, но готовил их общему контрнаступлению, не давал им «застаиваться» в обороне и терять свою способность к активным, решительным боям. Ватутин пользовался каждым случаем, чтобы развить частный успех. Так, однажды, когда батальон, которому была поставлена задача наступать на плацдарме за Доном с ограниченной целью, выполнил эту задачу и продолжал наступление, Ватутин немедленно развил местный успех батальона, двинув в этом же направлении целую дивизию».

— Отсиживаться в обороне нам никак нельзя, — часто повторял Ватутин. — Скорее наоборот. Надо атаковать немца любыми силами: ротой, батальоном, полком, дивизией, армией. Наша первостепенная задача — оттягивать резервы от Сталинграда.

Не раз бывало так, что соединения противника, снятые с Воронежского фронта, в результате контратак войск Ватутина спешно возвращались обратно, чтобы остановить продвижение советских частей. Случалось, что дивизии противника, следовавшие в эшелонах южнее Воронежа на Сталинградский фронт, вынуждены были в авральном порядке выгружаться и выдвигаться в район Воронежа, чтобы восстановить положение на том или ином участке обороны. В общей сложности Воронежский фронт удерживал перед собой не менее тридцати вражеских дивизий, которые очень бы пригодились немцам под Сталинградом.

В те дни Николай Федорович писал жене Татьяне Романовне и дочери Елене: «Целую Вас крепко и шлю сердечный горячий привет с самыми наилучшими пожеланиями. О себе скажу очень кратко. Дела на фронте идут неплохо. Беспощадно истребляем немцев под Воронежем. Здесь перебито их уже очень много, но предстоит еще большая и трудная задача. Мы ее выполним во что бы то ни стало. Над этим я и работаю. Очень беспокоюсь о вас».

С первого дня пребывания на Воронежском фронте Николай Федорович не мог смириться с тем, что практически весь город, расположенный на правом берегу реки Воронеж, находился в руках врага. Поэтому он все время вынашивал план выбить оккупантов из столицы Черноземного края.

К началу сентября под руководством Николая Федоровича была подготовлена масштабная наступательная операция, в основе замысла которой лежало окружение и уничтожение всей группировки противника в районе Воронежа. В ней планировалось задействовать 60-ю армию генерал-майора И.Д. Черняховского и 40-ю армию генерал-лейтенанта М.М. Попова, а также некоторые дивизии 38-й армии генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова, переподчиненной к тому времени Воронежскому фронту. Провести операцию предполагалось концентрическими ударами из района Подгорное на Семилуки и из района Придача, в обход Воронежа с юга. Еще один удар, вспомогательный, должен был быть осуществлен в направлении Нижняя Верейка и Ольховатка.

С разработанным планом операции Ватутин был вызван в Ставку. О том, как шло его утверждение, засвидетельствовал в своих мемуарах «Солдатский долг» маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, являвшийся тогда генерал-лейтенантом, командующим Брянским фронтом:

«Во второй половине августа меня внезапно вызвали в Ставку. У Сталина я застал и нашего левого соседа Н.Ф. Ватутина. Рассматривался вопрос об освобождении Воронежа. Ватутин предлагал наступать всеми силами Воронежского фронта непосредственно на город. Мы должны были помочь ему, сковывая противника на западном берегу Дона активными действиями левофланговой 38-й армии. Я знал, что Ватутин уже не раз пытался взять Воронеж любовью. Но ничего не получалось. Противник прочно укрепился, а нашим войскам, наступавшим с востока, прежде чем штурмовать город, надо было форсировать реки Дон и Воронеж. Я предложил иной вариант решения задачи: основной удар нанести не с восточного, а с западного берега Дона, используя удачное положение 38-й армии, которая нависает над противником севернее Воронежа. Для этого надо только перегруппировать сюда побольше сил, причем по возможности скрытно. При таком варианте удар по воронежской группировке наносился во фланг и выводил наши войска в тыл противнику, занимавшему город. Кроме того, этот удар неизбежно вынудил бы противника ослабить свои силы, наступавшие против Юго-Западного фронта. В той обстановке такой вариант, по моему глубокому убеждению, был наиболее правильным.

Но Ватутин упорно отстаивал свой план, а мои доводы, по-видимому, оказались недостаточно убедительными. Не подешествовало и обещание, что, если будет принят мой вариант, Брянский фронт выделит в распоряжение соседа все войска, которые сможем собрать без ущерба для своей обороны. Сталин утвердил предложение Ватутина, обещав при этом усилить Воронежский фронт дополнительными соединениями из резерва Ставки, а также гвардейскими мотострелковыми полками, вооруженными реактивными установками М-31 со снарядами большой разрушительной мощности.

На этом визит у Сталина закончился. Выйдя в соседнюю комнату, мы с Ватутиным оговорили все вопросы, связанные с действиями 38-й армии, которая на время операции передоверялась Воронежскому фронту, и разъехались каждый к себе».

30 августа Николай Федорович вернулся на фронт. Настроение было приподнятое: план не только утвердили, но и подкрепили его материально. Для поддержки сил фронта из резервов Ставки было выделено четыре стрелковых соединения. Кроме того, дополнительно изыскали боеприпасы для артиллерии: по полтора боекомплекта для средних калибров (180 снарядов на орудие. — Н.К.) и по два боекомплекта для тяжелых калибров (240 снарядов на орудие. — Н.К.). Это было хорошее подспорье для начала операции.

Дата наступления была определена на раннее утро 9 сентября. Вплоть до ее начала в войсках шла интенсивная подготовка. С командующими армиями и командирами дивизий Николай Федорович лично проиграл на карте и на рельефном плане местности динамику предстоящих действий. В свою очередь командармы отработали эти задачи с командирами дивизий и полков. Особое внимание было уделено взаимодействию родов войск. Поближе к переднему краю были выдвинуты пункты управления армий и фронта.

Сам Ватутин в то время буквально дневал и ночевал в войсках: проверял их готовность, заслушивал доклады командармов и комкоров, ставил задачи, уточнял вопросы взаимодействия, отдавал последние распоряжения, настраивал людей.

Однако за два дня до начала операции в штаб фронта позвонил по ВЧ Сталин.

На проводе с ним был начальник штаба генерал-майор М.И. Казаков (Ватутин в это время находился в одной из частей 38-й армии).

— Четыре стрелковые дивизии, полученные для участия в наступательной операции, в передовую линию не вводить, — как всегда, лаконично сказал Сталин. — Их нужно готовить немедленно к отправке в район Царицына (Сталинграда. — *Н.К.*). Операцию, которую вы готовите, разрешается временно отложить...

Затем Верховный спросил у Казакова, как скоро Воронежский фронт может начать отправку указанных дивизий и какие меры необходимо предпринять для ускорения этого дела. Казаков доложил, что у фронта на данный момент имеется небольшой оперативный резерв подвижного состава. Одну дивизию уже можно отправить ближайшей ночью. Сталин, как вспоминал Казаков, остался удовлетворен ответом и приказал немедленно доложить его указания Ватутину.

Казаков тут же вышел на связь с Николаем Федоровичем и почти дословно передал ему содержание состоявшегося разговора с Верховным главнокомандующим. Свалившаяся как снег на голову новость, конечно, не обрадовала Ватутина. Ведь, начиная еще с середины июля, Николай Федорович жил этой операцией, не спал ночей, вкладывал в ее разработку всю душу. И вот, выходит, все его и штаба многодневные труды идут насмарку...

Возвратившись в штаб фронта, Ватутин сразу связался по ВЧ с Василевским, долго ему доказывал целесообразность проведения операции. В конце концов, убедил Александра Михайловича в том, что и без четырех дивизий, которые снимаются с фронта, можно проводить наступление и добиться желаемых результатов. Аналогичный разговор у Ватутина состоялся и с Верховным. Сталин согласился с доводами Ватутина и дал добро на проведение операции. Правда, сроки ее начала были сдвинуты на шесть дней. Наступление началось 15 сентября.

Впрочем, предоставим слово непосредственному участнику тех событий генерал-майору артиллерии в отставке А.В. Чапаеву, сыну легендарного героя гражданской войны. В боях на Чижовском плацдарме он, майор, командовал дивизионом реактивных минометов. Впоследствии Чапаев-младший вспоминал:

«С вечера, предшествовавшего сентябрьскому наступлению, пойма реки Воронеж между основной частью города и Придачей была заставлена сотнями снарядов М-30. Это реактивные снаряды крупного калибра (диаметр 300 мм, вес 100 кг). Они не были приспособлены для пуска с машин, как М-13 («катюша»), а устанавливались на грунт в деревянной арматуре, служившей одновременно и рамой для придания угла возвышения перед пуском. Снаряды соединялись проводами и запускались электромашиной. Иногда случалось, что при пуске стабилизатор снаряда цеплял арматуру, и снаряд летел вместе с ней. Солдатам это зрелище нравилось. Они смеялись и говорили, дескать, немец сокрушается, что Русь сундуками швыряется.

Ночью подготовили проходы для танков, и наши батареи заняли исходное положение на противоположном берегу реки Воронеж у Чижовки.

...Наступил ясный, солнечный день. Громадные огненные шлейфы устремились к противнику. Загрохотали орудия. Началась артиллерийская подготовка. Через несколько минут все вокруг заволочло дымом и пылью. Позже взятые в плен немцы выглядели как вытасщенные из тины чумазы караси. Перепачканные, они жадно глотали насыщенный пороховым дымом и гарью воздух. Один из пленных упорно сопротивлялся, не желая идти, пока ему не покажут «катюшу». Масса танков в ожидании атаки теснилась у Чижовки. Развернуться им было негде. Атаковать тоже предстояло не в лучших условиях — в узкой полосе и на подъеме, в направлении училища связи и кирпичного завода. Справа город не позволял развернуть танки, а слева — крутой подъем. Городские здания, особенно окраинные, были использованы противником для создания проч-

ной обороны. Приспособлены были и многочисленные деревянные домики, стоявшие на крутом спуске к реке. Под домами немцы устроили блиндажи и убежища, а от домов в разные стороны тянулись траншеи. «Выкуривать» противника было чрезвычайно трудно, для этого потребовалось бы разрушить до основания каждый дом.

Преодолев пойму реки, которая представляла собой сплошное минное поле, пехотинцы взбирались по круче вверх. Когда артиллерийский огонь уже становился опасным для них и его перенесли в глубь немецкой обороны, из-под домов, стоявших у крутого пуска к реке, стали выскакивать немцы. Они быстро рассредоточивались по траншеям, завязалась рукопашная схватка. Сраженные падали вниз, но их товарищи смело лезли и забрасывали немцев гранатами, стараясь угодить в траншеи, которые им снизу не были видны. Нашим артиллеристам невозможно было стрелять даже прямой наводкой, чтобы не поражать своих. Но вот солдаты одного из подразделений, прижимаясь к земле, отошли несколько ниже, чтобы их не могли видеть и забрасывать гранатами фашисты. Воспользовавшись этим, мы стали бить по немецким траншеям. Поднялась наша пехота и ринулась в атаку.

Самым жарким местом была Чижовка. На скопление наших танков немцы бросили свою авиацию. Шла непрерывная ожесточенная бомбежка. Одна группа самолетов еще кружилась над Чижовкой, а уже заходила другая, и так непрерывно на протяжении целой недели. Легче было только по ночам. И танкисты использовали эти короткие часы для атак».

Но более подробный анализ наступательным действиям войск фронта дал уже знакомый читателю генерал-майор Казаков:

«Утро 15 сентября началось мощной артиллерийской подготовкой на участках намеченного прорыва. С наблюдательного пункта командарма 40 хорошо просматривалась восточная окраина Чижовки — первого объекта атаки главной группировки армии. Зрелище было весьма эффектным. Нам казалось, что все огневые средства противника хорошо поражаются артиллерийским огнем. Но, как потом выяснилось, мы недооценили прочности каменных построек, использованных противником для обороны. Артиллерии не удалось разрушить их, и наступление с самого начала стало развиваться в медленных темпах, с большими осложнениями.

В течение первых двух дней войска 40-й армии добились лишь некоторого тактического успеха (овладели Чижовкой и южной окраиной Воронежа, а дивизия, наступавшая в центре города, очистила от противника еще несколько улиц). Но войска 60-й армии совершенно не имели продвижения. Не удался и вспомогательный удар 38-й армии; она сумела овладеть лишь деревней Гнездилово, и на этом все замерло.

Командующий фронтом да и командарм 40-й никак не хотели примириться с неудачей. В течение еще целой недели они настойчиво добивались дальнейшего продвижения войск. В Чижовку был переправлен 25-й танковый корпус под командованием генерал-майора П.П. Павлова. Переправа осуществлялась в сложных условиях — ночью, по каменной дамбе, покрытой слоем воды в 50–70 сантиметров. Этот своеобразный брод неподалеку от электростанции Придача оказался для нас настоящей находкой. Воздушная разведка противника не сумела обнаружить его, и появление в Чижовке наших танков было для гитлеровцев полной неожиданностью.

Вводом в бой танкового корпуса командующий фронтом рассчитывал сломить сопротивление противника на южной окраине города. Но, к нашему большому огорчению, расчеты эти не оправдались. С наблюдательного пункта командарма 40-й мы видели, как горят танки, пытавшиеся наступать в боевых

порядках пехоты. Наши танкисты, равно как и пехота, поразились в явно невыгодном положении. Они наступали снизу вверх по открытому пространству. Противник же в полной мере использовал свое господствующее положение на местности и прочные каменные постройки. Прицельным кинжальным огнем он наносил атакующим большой урон.

С каждым днем все острее чувствовалось, что операция затухает. Но признаться в этом не хотелось.

В Генеральном штабе стали понимать бесцельность наших попыток уже 20 сентября. Однако и там, видимо, питали еще надежду на какое-то чудо. Лишь в конце сентября директивной Ставкой Воронежскому фронту было приказано перейти к обороне...»

Любая война — это не только радость победы, но и горечь поражения. В судьбе практически каждого советского военачальника Великой Отечественной было и то, и другое. На начальном этапе войны едва ли не всем командующим фронтами и армиями пришлось испытать до дна горькую чашу разгрома. Некоторые из них даже поплатились своей жизнью. Безусловно, Ватутин болезненно переживал неудачную операцию фронта, хотя Ставка не ставила ему это в вину. Фронт не выиграл, но и не проиграл. Перед началом Сталинградской битвы Ставка определила Воронежскому фронту задачу помочь выстоять Сталинграду, и войска под командованием Ватутина ее успешно выполнили. По сути, фронт стал буфером на пути фашистских войск.

«Даже не всегда удачные, но активные действия войск Воронежского фронта в течение лета 1942 года серьезно обеспокоили вражеское командование, — продолжает в своих мемуарах Казаков. — Мы «висели» над флангом группы армий «Б», и противника нервировало любое, самое незначительное наше продвижение к югу или юго-западу. Он беспокоился за свои весьма растянутые коммуникации в направлении Сталинграда.

Не прошло бесследно и в общем-то огорчительное для нас сентябрьское наступление наших войск в районе Воронежа. Оно настолько встревожило противника, что сюда стали стягиваться силы с других направлений... К приезду нового командующего Воронежский фронт удерживал перед собой не менее тридцати вражеских дивизий, которые очень быгодились немецко-фашистскому командованию под Сталинградом».

Объективно оценила события июля-сентября на воронежском направлении и немецкая сторона. В частности, генерал пехоты вермахта Курт фон Типпельскирх, который в тот период являлся советником 8-й итальянской армии, в своей книге «История Второй мировой войны» написал: «Русские, чтобы облегчить положение своих войск на юге, оказывали постоянное давление на позиции немцев в районах Воронежа и севернее. Летом и осенью 1942 года в этих районах шли тяжелые бои, которые потребовали большого напряжения немецких дивизий, не позволяли осуществить переброску войск в интересах наступающих армий, а в районах Воронежа даже заставляли немецкое командование спешно перебросить из-под Сталинграда одну дивизию».

И далее: «В районе западнее Дона решающих успехов добиться не удалось... Дальнейшее развертывание наступления было затруднено, так как левое крыло, которое по первоначальному плану должно было продвигаться через Воронеж на Саратов, застряло у Дона».

Аналогичное признание сделал генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс. В своих воспоминаниях он написал, что Гитлер придавал большое значение Воронежу в будущей перспективе: «Значение рубежа Сталинград — Воронеж, захваченного немецкими войсками, заключалось в том, что он представлял собой выгодное исходное положение для нанесения удара на Москву и восточнее ее. Этот удар в со-

четания с одновременным предпринятым немецким прорывом на Центральный фронте, примерно из района восточнее Смоленска, на Москву оказал бы серьезную опасность для советских Вооруженных Сил и ведения всей войны советским командованием. Неважно, что в оперативных директивах немецкого командования на летнюю и осеннюю кампании 1942 года еще не было речи о наступлении на Москву. По тому, как проходили операции, наступление на Москву можно было провести только весной 1943 года, после соответствующих перегруппировок сил».

После тяжелых сентябрьских боев Воронежский фронт вновь перешел к обороне. Ватутин поставил перед командующими армиями очередные задачи. Так, 38-я и 60-я армии организовали оборону с оперативным построением в два эшелона при плотности 10–15 километров на дивизию. 40-я армия заняла оборону в один эшелон с плотностью на дивизию 15 километров. Наименьшая плотность была определена для 6-й армии, перед фронтом которой находился довольно слабый противник — 2-я венгерская армия и части итальянского альпийского корпуса.

Одновременно командованием фронта были тщательно проанализированы результаты сентябрьской операции. Буквально «по косточкам» на заседании Военного совета, различных совещаниях и сборах разобрали прошедшие бои, извлекли из них серьезные уроки. На основе сделанных выводов в войска фронта были направлены соответствующие директивы, приказы, методические рекомендации, касающиеся управления войсками и работы штабов, повышения уровня огневой подготовки, уменьшения потерь личного состава.

Так, в директиве № 1793 командующий предписал «в первую очередь активизировать огонь пехоты из всех видов оружия», увеличивать количество снайперов не только из винтовок, но и из других видов оружия. Указания претворялись в конкретные дела. В частях и соединениях фронта получило широкий размах снайперское движение. Только с августа по сентябрь 1942 года было уничтожено 9 699 солдат и офицеров противника, а за двадцать дней октября — 2174 оккупанта. «Русские ужасно отчаянный народ — воюют до последней минуты. У них замечательные стрелки. Не дай бог оказаться их целью», — записал в своем дневнике венгерский ефрейтор.

В этой же директиве Ватутин ставил задачу шире использовать 50-мм минометы, «с наступлением темноты подтягивать их поближе к позициям противника и сосредоточенным огнем его уничтожать, практиковать залповый огонь из винтовок по выгодным целям».

В другом документе, более категоричном, Ватутин с целью уменьшения потерь личного состава потребовал от командармов и комдивов «особое внимание обратить на быстрее выполнение планов инженерного оборудования обороны, создание укрытий от осколков, а затем и от мин, снарядов и авиабомб. Улучшить маскировку». Заботясь о сохранении жизней солдат и офицеров, командующий запретил «открытые передвижения подразделений и отдельных бойцов и командиров в зоне огня противника», приказал виновных «в нарушении этого строго наказывать». Кроме того, он обязал начсостав принять меры к недопущению простудных заболеваний войск, «во всех боевых порядках построить отопление блиндажей для обогрева и отдыха личного состава. Из поступавшего теплого обмундирования, в первую очередь обеспечивать боевые части...»

В начале октября Николай Федорович начал готовить очередную наступательную операцию. Она планировалась не на пустом месте. Войска фронта пополнялись новыми маршевыми ротами. В свои части из госпиталей в строй возвращались бойцы, получившие ранения в летних боях. С Урала, из Сибири, других глубинных районов страны поступали новая техника, боеприпасы. Постепенно на оборонительных рубежах 6-й и 40-й армий были созданы необходимые резервы. По поручению Ватутина командующие родами войск, другие руководящие работ-

ники фронтового управления побывали в частях и соединениях. На особо ответственных участках состояние обороны лично проверяли сам Ватутин или его первый заместитель генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский.

Однако в Ставке были другие планы. Там полным ходом шла подготовка к контрнаступлению советских войск под Сталинградом и, безусловно, проводить еще одну масштабную наступательную операцию на Воронежском фронте было нецелесообразно. 28 сентября из Ставки пришла директива № 170627, она предписывала войскам фронта лишь закреплять занимаемые рубежи, в резерв выводились 17-й и 24-й танковые корпуса.

Во второй половине октября 1942 года Николая Федоровича неожиданно вызвали в Москву. Встретившись с начальником Генерального штаба Василевским, он узнал от него, что подготовлен план наступательной операции «Уран» по окружению и разгрому немецких войск под Сталинградом, его основные положения утверждены Верховным.

— Сейчас пришло время ознакомить всех командующих и приступить к непосредственной подготовке контрнаступления, — сказал Василевский.

И продолжил:

— Тебе, Николай Федорович, придется принять командование вновь создаваемого Юго-Западного фронта. Верховный одобрил твою кандидатуру. Вот проект приказа. — Василевский протянул Ватутину бланк с отпечатанным текстом приказа.

Ватутин быстро пробежал глазами по лаконичным строкам документа: «*Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:*

1. К 31 октября 1942 г. сформировать Юго-Западный фронт.

2. В состав Юго-Западного фронта включить: 63 армию, 21 армию, 5 танковую армию.

3. Управление Юго-Западного фронта развернуть на базе управления 1-й гвардейской армии и дислоцировать в районе Ново-Анненский.

4. Назначить командующим Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта т. Ватутина, освободив его от должности командующего Воронежским фронтом. Начальником штаба Юго-Западного фронта назначить генерал-майора т. Стельмаха.

Командующим Воронежским фронтом назначить генерал-лейтенанта тов. Голикова».

Пока Ватутин дочитывал текст, Василевский уже давал ему напутствие:

— Так что, Николай Федорович, готовься претворять свои наступательные идеи в жизнь. Но для начала тебе предстоит сформировать управление фронта, принять войска. Времени у тебя в обрез, наступать твоему фронту предстоит раньше Сталинградского...

— Не привыкать, Александр Михайлович, — ответил Ватутин.

— Помощь окажем, можешь не сомневаться, — заверил Василевский. — За твой фронт отвечает Жуков, но я буду всегда рядом.

За время совместной учебы в академии Генерального штаба, а затем работы в Генштабе, Ватутин и Василевский научились понимать друг друга с полуслова. Их отношения, как уже было сказано выше, давно были дружескими, но они никогда не переходили рамки отношений служебных. Как говорится, дружба дружбой, а служба оставалась службой.

— Александр Михайлович, прошу разрешения повидаться с семьей, — обратился Ватутин к Василевскому. — С июля своих не видел...

— Святое дело, — ответил Василевский. — Кого ты оставил вместо себя в Воронеже?

— Своего первого зама генерала Малиновского.

— Родиона хорошо знаю, на него можно положиться, — одобрительно кивнул Василевский. — Так что давай встречайся с семьей. А как мать, сестры? Братья? — Слава Богу, живы! Но пока еще под оккупантами... Братья воюют.

После нескольких месяцев разлуки Николай Федорович повидал семью. Его неожиданное появление вызвало неопишуемую радость у Татьяны Романовны и детей — Лены и Вити. Все дружно повисли на крепких отцовских плечах. Поцелуи, слезы... Дома он пробыл только одну ночь. Рано утром, когда дети еще спали, Ватутин, попрощавшись с женой, вновь убыл на Воронежский фронт. Там, скоро сдав дела новому командующему генерал-лейтенанту Ф.И. Голикову, он отправился в район Сталинграда.

Уместно добавить, что Ватутин оставил своему преемнику крепко сколоченное, имеющее боевую практику фронтовое управление, а также войска, владеющие опытом как оборонительных, так и наступательных действий. Все это в дальнейшем позволит успешно провести Острогожско-Россошанскую и Воронежско-Касторненскую наступательные операции.

